

Педагогические новеллы

Н.В. Жеребилова

Почемучки нынче в дефиците

На одном из методобъединений детского центра, в котором я веду развивающие игры, коллега делала доклад о повышении учебной мотивации старших дошкольников. Мол, в школу ребенку желательнее пойти с более-менее сформированной хотя бы социальной мотивацией («Я хочу стать школьником»). И современная система тестов и «приемных экзаменов» ставит перед родителями, воспитателями, гувернерами такие условия поступления ребенка в школу, что малышам будет попросту тяжело включаться в предлагаемый школой темп обучения. Поэтому деваться нам, взрослым, некуда – следовательно, надо у пятишестилеток учебную мотивацию формировать и развивать.

Скажете, абстрактно, глупо и нереально? Да нет, реально.

В одной из групп, с которой я работаю, есть один мальчик пяти с половиной лет... Полгода ходил – ничем не интересовался, если что у него не получалось – перестает инициативу проявлять. А тут вдруг: «У меня некрасиво получилось (или не совсем правильно), – говорит, – дайте мне, пожалуйста, листок, я переделаю». Переделывает – не так, чтобы как у всех, а так, чтобы получилось лучше, чем раньше мог.

В общем, учебная мотивация к пяти-шести годам, возможно, и складывается. А коллега поднимает острый вопрос: «Мы их давим своей взрослостью! Мы им не даем слова вставить! Вы обратили внимание, что на занятиях стало меньше "почемучек"?».

«Ага, я давно-о-о говорила, что задавать вопросы малышей нужно учить...», – торжествую я про себя, приходя в состояние вос-

торга (знаете, так бывает, когда ищешь-ищешь, и вдруг находишь желаемое в самом неожиданном месте и времени).

Ох уж этот педагогически-экспериментаторский зуд, как иронически называет В.М. Букатов мои педагогические восторги (справедливо, только я пока ничего с собой поделать не могу)... «Дай-ка, – думаю, – поиграем в игру с вопросами». Хотя это же только для меня игра, а для дошколят – конечно, тяжелый, утомительный, нудный труд. Но азарт во мне уже проснулся.

Он еще больше оживился, когда я объяснила детям их задачу: «У кого в руках окажется "волшебная палочка", задает вопрос. Начинать его можно словами "Я хочу узнать...". Если бы я, например, задавала вопрос, то я бы сказала: "Я хочу узнать, когда дует ветер"».

Тут малыши (четыре-четыре с половиной лет) как заговорят: «Я хочу узнать, когда бывает солнце», «когда падает снег», «когда бывает дождь»... «Ну, все, – обреченно заключаю я, – сейчас застрянем на явлениях погоды». И вдруг одно чудо, Полиной зовут, спрашивает: «Я хочу узнать, а почему идут часы?», и на стенку показывает.

Они умеют задавать вопросы!!!

Так зачем их этому учить?

Увы, мы, взрослые, действительно подавляем в ребенке человека. Нормального, любознательного, любопытного, нахального человека – того, который только и живет своими «где?», «когда?», «куда?», «откуда?», «поче-

му?», «зачем?» и «как?». И из наблюдений вывод сам собой напрашивается: бывают у дошкольников неверно заданные вопросы и неверно данные ответы.

Неверно заданный вопрос – это не тот вопрос, ответ на который ты знаешь сам. Это тот вопрос, на который не могут ответить другие. Ну, например, потому что слова для него точно не подобрал. Ну как такое понять: «Я хочу узнать вот мы позавчера на том занятии вот пираты клад вот мы искали и были задания». Очевидно, можно расценить этот выплеск слов (наряду с эмоциональной реакцией) как: «Ребята! Вы помните?! На прошлом занятии мы выполняли какие-то задания, оставленные пиратами, и это было так интересно! Помните?!». Но ведь это только взрослому очевидно, да и то, надо признаться, в одном из вариантов. Или вот вам еще: «Я хочу узнать, почему как листья зеленые». Почему листья зеленые, а не фиолетовые? Или как они зелеными становятся?

Кажется, можно неверно (неточно) заданные вопросы разделить на те, в которых не встречается вопросительных местоимений, и те, в которых этих местоимений два и больше.

С ответом – похожая ситуация. «Чем похожи эти предметы?» – спрашиваю нарочно коротко. «Потому что это зеленое», – отвечают (назван признак только одного предмета, отсутствующий, кстати, у другого). Уловили? В ответе звучит иное местоимение, нежели требуется по «условию» вопроса! Кроме того, видно, что ребенок (на этот раз отвечал первоклассник) не совсем понял смысл заданного вопроса. А иногда бывает, что задашь вопрос, а ребенок (хитрый!) поднимет руку, и ты его переспросишь: «Ты хочешь сказать, почему тигры едят мясо?» – он добросовестно кивнет, а после этого, глотая слова, начнет рассказывать о том, какие вчера он видел цветы у бабушки на даче...

Милые мои, это НОРМАЛЬНО!

Тогда зачем учить их задавать вопросы?

Третье мая. Солнечная погода.

В студии «Азбука творчества» – два мальчика и девочка. Два первоклассника и один дошкольник. Мы играем на квадратики из цветной бумаги. Задал интересный вопрос – получил (взял из кучки) квадратик. Кто больше соберет? «Я хочу, например, узнать, почему у Змея Горыныча... 80 голов!» Ох эти фантазии Ксюшины... У нее и ветер-то дует, потому что наверху Бог сидит и вентилятор крутит. Не потому, что не знает ответа, а потому, что так – смешнее. Нет, отмечаем вопрос про Змея Горыныча. «Давайте про то, что на самом деле существует».

У первоклассников азарт – похлеще, чем у дошколят. Не успевают порассуждать про одно, уже готов вопрос про другое. Саша ходил в одну студию с Ксюшей, а сейчас они учатся в первых классах разных школ. Одногодки, но Саша – рассудительнее. Саша серьезнее. Он всё вопросы про космос задавал, про людей, про животных (почему черепаха медленно ползает? Потому что у нее панцирь тяжелый)... А тут: «У меня два вопроса. Один – это почему идет война в Ираке. А второй – откуда в космосе много метеоритов».

Мы попытались поделиться друг с другом всей информацией об Ираке, которой владели (из телевизора). Оказалось, что американский президент Буш воюет с Саддамом Хусейном, потому что хочет забрать себе его сокровища. «А вы знаете, по телевизору говорили, что у Хусейна есть золотое оружие, прямо автоматы золотые, кинжалы всякие...» (это Мансур, ему в первый класс только следующей осенью идти). «А еще Буш хочет, чтобы ему поклонялись люди в Ираке».

Зачем президенту такой большой страны нужно, чтобы ему поклонялись люди маленькой страны, которая находится от него через целый океан?!

Так вот, детям необходимо давать время, ровно столько, сколько нужно для того, чтобы увидеть, рассмотреть, спросить (теперь нужно и научить, как) и поговорить по этому поводу. В противном случае мы убиваем в них способность интересоваться миром. А иногда кажется, что без интереса к миру и жить-то в нем незачем.

Аспирантка и немножко педагог...

Жила-была я. Замужем год. Детей своих пока нет. С малышами люблю возиться – страсть. Только не всегда и не со всеми получается...

Вот Лизочка четырех с половиной лет, например. Приходит на мои «развивающие игры». Все ребята бегают, ползают, строят из кубиков, звонят в колокольчик, ходят по веревочке, а она... Стоит посреди комнаты и СМОТРИТ. Будто бы вбирает все глазами, а играть – не идет.

Или Савва, примерно такого же возраста – и полная противоположность: безбашенный парнишка с отсутствием намеков на хорошие манеры, этакий «вечный двигатель», из-за каких обычно вся группа встает на уши, и ни о каком занятии речи быть не может. Это в текущем году. А сколько их было, подобных, с которыми что делать – не ясно, да и нужно ли делать?!

Упорно пытаюсь повысить качество своей педагогической деятель-

ности, решила я поработать в Желтом Доме. О нем мне научный руководитель мой рассказал. Езжай, говорит, с Богом. Смотри. Учись.

И я поехала.

А дом действительно оказался желтый. И вход под крылечком, как обещали. И «художник, который там за главного» – Вячеслав Иванович – прямо настоящий художник: весь необычный и с бородой.

Потрясло обилие педагогов-мужчин. Целых три! Вячеслав Иванович говорит: «Вот, сейчас у нас занятия начнутся, здесь – английский, а там – развивающие игры. Можешь посидеть, взрослые нам не в диковинку».

Класс большой, светлый... За партами родители разместились – человек 6–8. У доски столик невысокий, за ним ребята сидят да «англичанин» – тоже мужчина и тоже с бородой. Дети сегодня игрушки принесли в качестве «домашней просьбы» – собачек, машинку, белочку, кто-то даже грушу протягивает... «Is it yellow? – спрашивает учитель. – Желтая, мол?». «Зелё-о-она!» – детки с укором. «Oh, sorry. It's my mistake. It's green» («Ой, простите, это я ошибся. Она зеленая».)

Учитель непонятливый какой-то попался, берет не глядя автомобиль и говорит: «Давайте слова повторим. It is a dog, yes?» – «Car», – его поправляют. И только тут дядя смотрит на то, что у него в руках, и замечает: «Ah! It's a car, really!» («Это действительно машина!»)

А слова ребята учили сложные, и не произнесешь так сразу: а gasoon – енот, а squirrel – белка, а rear – груша. Хотя что значит «учили»? Общались, об игрушках рассказывали, на доске дерево грушевое рисовали...

Вышла я потихонечку, спустилась на первый этаж. В еще одной просторной комнате – большой ковер. На ковре малыши лет полутора-двух вместе с мамами хоровод водят: «Зайка, покружись». А вокруг хоровода – знакомое мне явление: «вечный двигатель», мальчишка без тормозов, в буквальном смысле круги нарезает.

Он 15 минут бежал! Остановился, только когда сели сказку читать, и то минуты на две... Хорошо, что занятия с родителями проходят, — остальные малыши у мамы на ручках, им и дела нет, кто там бегаёт, им тут сказку читают интересную, с картинками...

Сказка была про Зайца и его избушку. Картинки большие — на всю страницу. Там такая была напуганная Лиса! И такой глупый Медведь! Но все не просто хорошо закончилось, а закончилось находчивостью тети Гали. Лису из избушки Петушок прогнал, а на картинке — Зайчик в окошко выглядывает. «А Петушка нету», — малыш один говорит. «А вот и Петушок!» — говорит тетя Галя и показывает последнюю страничку с Петушком. «А вот так они потом дружили, ходили друг к другу в гости», — переворачивает книжку, а на обложке Зайчик с Петушком в избушке сидят, чай пьют за столом с красивым самоваром. Я была в восторге. Дети, думаю, тоже.

Наконец пошли к дяде Славе рисовать. «Вот, — думаю, — родители, не могли догадаться детей переодеть, перемазюкаются же...» Действительно, только одного мальчика одели в старую взрослую рубашку. В общем, приготовили бумагу — пластилином прикрепили на мольберты такие голубоватые листы, — сел дядя Слава за свой мольберт и стал сказку рассказывать. «Прыгнули к дяде Славе на палитру, — говорит, — вы помните, что эта коробочка палитрой называется? — прыгнули три краски: Красная, Желтая и Синяя. Увидели они на стене картину про осень, которую мы с вами в прошлый раз делали, и захотели такую же нарисовать».

А на стене за спиной дяди Славы действительно картина висит, только не маслом написанная, а кусочками цветной бумаги заклеенная: в голубой луже листики разноцветные плавают.

«Желтая краска сказала: "Я буду листики рисовать! Такие, и такие, и круглые, и вот такие овальные, и такие — елочкой" (рисует дядя

Слава). "А я, — сказала Красная краска, — буду тоже листики рисовать, осенние красные! И такие, и такие, и круглые, и елочкой!" Синяя краска посмотрела на них и говорит: "И я, и я буду листики рисовать!" (Дядя Слава рисует... круглый синий листик.) "Ты что! — закричали на Синюю краску Красная и Желтая. — Разве синие листья бывают?" "А разве не бывают? — удивилась Синяя краска. — Ну, ладно, я тогда буду лужу синюю рисовать и небо..." "Не нужна нам лужа, — рассердились Красная и Желтая. — Вон мы на той картине в луже лежим целую неделю, уже все промокли и замерзли". Обиделась Синяя краска и у дяди Славы спрашивает: "Что же, мне совсем нельзя на картине быть?" "Конечно, можно! — говорит дядя Слава. — Во-первых, лужа нам обязательно нужна на осенней картине. Во-вторых, ты же можешь смешаться с Желтой краской!" Смотрите, ребята, что получается?» «Зеленая», — говорят. «А еще можешь смешаться с Красной! Какая получается?» — «Серая», — и действительно, какая-то серая получилась. «А мы добавим больше синей краски в красную!» — «Коричневая», — радуются детки. И ведь правда, «классической» фиолетовой, «как должно быть», никак не выходило! Да и не было у дяди Славы задачи такой — научить ребят штампам «синяя + красная = фиолетовая», «красная + желтая = оранжевая». Ведь оттенок получается от того, сколько какой краски на кисточку наберешь, правда?

А сказка продолжалась: «Желтой краске понравилось смешиваться с Синей — уж очень красиво получалось, и она говорит Красной: "А давай мы с тобой смешаемся тоже!" Смешались они, и нарисовали такой осенний листик, и такой, круглый, и такой — елочкой».

Теперь пора было деткам рисовать. Вот встали они за мольберты... И что же тут началось!

Вот один малыш стоит, малюет, как умеет, — краски смешивает как попало и по листу мазюкает. Вот другая

девочка, Катенька (как мне дядя Слава сказал – опытная, второй год ходит в «Семейку», да и папа у нее неплохой иконописец), берет краски на кисточку и рисует листик – потоньше... Листики у нее падают сверху вниз: вверху кружок – толстая линия по правому краю бумаги – внизу кружок. А я подошла и говорю: «Смотри, у тебя вот это – как будто рыжая кошка. Вот туловище, а это длинный хвост трубой». Ребенок сначала вообще оторопел от такой наглости моей – она рисовала осень, а я вдруг какую-то кошку выдумала! Потом я в уголок отошла, гляжу – Катенька уставилась на свой мольберт, а затем снова принялась рисовать. Слышу: «Это кошка, а это у нее хвост». Маме показывает!

А остальные что? Милые мамы ринулись к своим чадам, схватили правые детские ручки, рисуют, как дядя Слава показал... Конечно, работы у таких ребятшек поаккуратнее, но смысл?.. И ведь все равно через некоторое время пришлось отпустить все на волю судьбы... вернее, детской руки с кистью.

Правда, мне очень понравился «кадр» из этого занятия: несет мальчик (самый младший в группе – не больше года) стаканчик свой с грязной водой, сам несет, без мамы, а та семнит рядом, и только умоляющее выражение на лице: «Только не пролей! Только не на себя!» Мужественная женщина. Другие бы взяли, отняли стаканчик, сами понесли...

После того как воду отнесли, другой кроха, по имени Кирюша, возвращается в комнату и спрашивает у дяди Славы: «А время еще осталось?» Милый, он уже учится в свои два с половиной время контролировать...

Да нет, в «Семейке» родители тоже учатся быть родителями. Мне Вячеслав Иванович как рассказывал: родители многие у них понимают, «что такое родитель и для чего он нужен», а еще – «кто такой ребенок и чем он отличается от взрослых».

Правда, именно позиция взросло-

го аж в двух ролях – педагога и родителя – мне не понравилась на следующем занятии.

На нем тоже были «развивающие игры», только не у тети Гали, а у другой тети. Заходим в кабинет, где слева, огороженные стульчиками, лежат крупные красочные изображения зверят. «Нет, нет, нет! – тетя говорит. – Сюда пока не пускаем!»

Большие, взрослые парты, составленные в один стол. Небольшое пространство между столом и шкафом – шага три на полтора. Садятся мамы на взрослые стулья, берут деток на колени.

Пауза. Долгая.

«Ну, – говорит тетя, – теперь будем играть. Но прежде чем...»

Пааааауза: кто-то еще не уселся как следует.

«Но прежде, чем начать играть, мы с вами обычно что делаем? Вспоминайте».

Еще одна затяжная пауза. Детки явно не понимают, о чем это с ними... Потом оказалось, что они обычно «умываются» – ну, гимнастику делают пальчиковую такую, как будто моют руки, шейки, ушки...

Тимоша говорит: «А я уже мылся сегодня!» «Нет, ты еще с нами не мыл-

ся!» – возражает тетя. «Все ребятки будут чистые, а ты так и останешься неумытым!» – грозит малышу чья-то мама. Реплика мамы остается тетей не замеченной, а мне становится обидно и за Тимошу – он же правда утром умылся! – и за чью-то маму: она так пока, видимо, и не поняла, кто такой двухлетний ребенок...

Тетя объявляет наконец, что у нас сегодня путешествие в лес, и спрашивает, каких лесных животных ребята знают. Детки называют, а у тети появляются в руках картинки с этими животными. Как назовут волка – она картинку перевернет и волка покажет. Только скучно это было как-то, обычно...

Потом тетя сказала, что все животные грустные. Потому что деток потеряли. Мы ей постарались рассказать, как называются детки у волка, у слона, у кабана... Кстати, у кабана детки все-таки называются не кабанята и не кабанчики, как тетя говорила, а поросята... Правда! Но малыши этого так и не узнали.

Наконец нам разрешили побежать «вот туда» и найти деток «своему» животному. Мы принесли деток, а потом нам раздали прямоугольнички черного и белого цветов, их переворачиваешь – и на другой стороне две картинки. Домино с фруктами,

овощами и ягодами. Ребята пошли к тете на ковер без взрослых – на то самое узкое место, шага три на полтора. Дорогу из доминошек строить.

Я надеялась, что мы сейчас научимся одинаковые картинки у себя искать или сравнивать с картинкой на полу и искать у себя такую же... Нет, тетя просто говорила, что нужно положить «вот сюда грушу», искала в детских ручках доминошку с грушей и сама клала на ковер по доминошным правилам... А зачем тогда детишкам домино?

И еще мне не понравилось, что перед тем, как построить дорогу, тетя сделала очередную ГРОМАДНУЮ паузу, спросив у малышек: «А где мы сейчас находимся?» Простите меня, но о «путешествии в лес» упоминалось в самом начале занятия, и так невыразительно! После этого были яркие картинки и звериные детки – какой же двухлетний человек после напряженной работы поиска деток и выдумывания их названий вспомнит, где он находится? Да у мамы на коленках... Тетя, так и быть, подсказала, что мы сейчас в лесу, и чтобы вернуться домой к маме, нужно дорогу построить, а если у кого не получится – тот так в лесу и останется...

Если бы на моем занятии кто-нибудь после таких угроз заплакал, я бы не удивилась...

Но у этой тети никто не плакал. Поэтому что даже о том, что можно остаться в лесу, она говорила без эмоций.

За полтора часа невозможно оценить воспитательную и образовательную систему «Семейки». Я будто включила фильм на середине и посмотрела не до конца – но как часто по таким отрывкам мы судим не только о своих эмоциях и впечатлениях, но и о самом фильме, не правда ли?

Наталья Викторовна Жеребилова – педагог, аспирант Института художественного образования РАО, г. Москва.